

СЛАВЯНОФИЛЫ И «ВРЕМЯ»: К ИСТОРИИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ЖУРНАЛА

Статья подготовлена в рамках проекта «Современные аспекты изучения истории и поэтики русской литературы» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития»

В статье исследуется ситуация, связанная с появлением в журнале «Время» работы Н.Н. Страхова «Роковой вопрос». Основное внимание уделено недостаточно изученным отзывам славянофилов о почвенничестве, используются архивные документы. Прослежены попытки почвенников повторять в своих произведениях традиционные славянофильские идеи и образы. Делается вывод о принципиальном значении спора о «Роковом вопросе» в истории взаимоотношений почвенников и славянофилов.

Славянофилы, почвенники, журнал «Время», Н. Н. Страхов, И. С. Аксаков, «Роковой вопрос».

The article studies the situation that occurred after publication of N.N. Strakhov's work "Rokovoy vopros" in the periodical "Vremya". Special attention is paid to Slavophiles' opinions about "Pochvennichestvo". Some archival materials are used in this paper. The attempts of "Pochvenniki" to repeat traditional Slavophiles' ideas and images are traced. The author of the article comes to the conclusion that the controversy about "Rokovoy vopros" has crucial significance in the history of relationship between "pochvenniki" and Slavophiles.

Slavophiles, "pochvenniki", the periodical "Vremya", N.N. Strakhov, I.S. Aksakov, "Rokovoy vopros".

Введение.

Закрытие журнала «Время» долго вспоминалось в литературных кругах. Спустя десять лет, П. Ткачев иронично писал о Страхове, статья которого привела к столь серьезным последствиям: «Вопрос был очень тонкий и щекотливый; наш философ ... желал разрешить его в смысле гг. Каткова и Аксакова, но на самом деле решил его так, что навлек на себя нареkanie в сеянии “смуты и крамолы”, и Аксаков с Катковым не только не одобрили его, но едва ли не первые обличили его в измене и призвали к порядку» [9, с. 152–153]. По своей общественной значимости эти события вполне сопоставимы с известным «расколом в нигилистах» – если воспользоваться метким выражением Достоевского, – только главную роль здесь сыграли все-таки консерваторы. Свое отношение к происходящему высказали и славянофилы: публикации газеты «День», письма ее редактора Ивана Аксакова, заявления Страхова, с другой стороны, позволяют лучше понять связь почвенничества и славянофильства, их сходство и отличия, о чем и будет говориться в настоящей статье.

Основная часть.

Ситуация, связанная с запрещением журнала братьев Достоевских, подробно рассматривалась в научной литературе [3], [7, с. 288–313]. Поэтому здесь можно представить только хронологию событий, дополнив ее кратким пересказом работы Страхова «Роковой вопрос». Статья, посвященная польскому восстанию, появилась в апрельской книжке «Времени» за 1863 год (№ 4. Отд. II. С. 152–163), после чего издание было прекращено. Страхов пытался взглянуть на польско-русский конфликт с противоположных позиций, в том числе глазами самих

поляков, из-за чего статью признали непатриотичной и весьма опасной¹. «Поляки, – писал Страхов, – возбуждены против нас так же, как народ образованный против народа менее образованного или вовсе необразованного. ... одушевление борьбы очевидно воспламеняется тем, что с одной стороны борется народ цивилизованный, а с другой – варвары» [12, с. 153]. Страхов отмечает, что определенные преимущества перед поляками у русских все же есть – главным образом, государственное чувство, не позволившее завоевателям разных времен, в том числе и польским, покорить нашу страну. Но твердых основ для духовной победы, о которой как раз и идет речь, Страхов пока не видит («все у нас только в зародыше, в зачатке» – заметен лишь потенциал для дальнейшего развития) и потому советует соотечественникам «обратиться к народным началам», а полякам – «отказаться от той доли своей гордости, которая опирается на высокую цивилизацию» [12, с. 159, 162]². Усиливало напряженность то, что статья была подписана словом «Русский».

¹ Цензор Л. Л. Штюмер, оценивавший статью, отмечал, что в ней излагается «совершенно новый взгляд на внутреннюю сторону Польского вопроса», но не рекомендовал печатать «Роковой вопрос» «без особого разрешения Г. Министра» [2, л. 1].

² Характерно мнение о «Роковом вопросе» современника – А. В. Никитенко. «Статья эта, – писал в своем дневнике Никитенко, – не только противна национальному нашему чувству, но и состоит из лжей. Публика изумлена появлением ее в печати» [8, с. 335]. Современному исследователю «Роковой вопрос» вообще «представляется не более чем фактом личной биографии Н. Страхова, причем фактом довольно курьезным» [16, с. 89–90].

Дальше главными действующими лицами были уже не почвенники. Выступление Страхова подверглось резкой критике в заметке К. Петерсона, напечатанной в «Московских ведомостях»¹. В газете Ивана Аксакова «День» также появилась заметка [11], оспаривающая направленность «Рокового вопроса». С этой публикации началась активная роль славянофилов в судьбе петербургских почвенников. Особенно интересно сопоставить письма Аксакова к Страхову и опубликованную в «Дне» статью Ю. Ф. Самарина «По поводу мнения “Русского вестника” о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации». Статья и письма представляют собой официальную и неофициальную позицию славянофилов по отношению к почвенникам, связанную, однако, рядом ключевых проблем и понятий.

«Роковой вопрос», конечно же, затрагивал традиционные для славянофилов интересы и ценности: место России в славянском мире, отрыв интеллигенции от почвы и вытекающая отсюда необходимость внимательнее отнестись к собственному народу. Вдобавок Страхов попытался подкрепить свое мнение авторитетом самих славянофилов, приведя в своей статье выдержку из «Обозрения современного состояния литературы» (1845 г.) И. В. Киреевского. Всегда ревностно относившийся к наследию предшественников, И. Аксаков сразу заметил, что цитата приведена крайне выборочно, с искажением смысла высказывания. Из всех размышлений Киреевского о польской культуре Страхов взял только то, что говорило в ее пользу – расцвет просвещения, литературные успехи переводчиков античных сочинений. Обрамлявшие этот фрагмент рассуждения о слабых сторонах польской цивилизации Страхов не привел, начав цитату словами: «Польская аристократия в XV и XVI веках была не только самой образованной, но и самой ученой, самой блестящей во всей Европе» [12, с. 153]. У Киреевского такой вывод предварялся указанием на отрыв высших польских классов от своего народа, следствием чего стало распространение искусства и научных знаний исключительно среди аристократов. Подобным образом обстояло дело и в конце цитаты, почвеннический автор оборвал ее на фактических сведениях, свидетельствующих о впечатляющих результатах польского просвещения. «... Это просвещение, – отмечал Киреевский, – отражалось только на поверхности жизни, не вырастая из корня, и, таким образом, ... вся эта богатая литература исчезла почти без следа для образованности польской и совершенно без следа для просвещения общечеловеческого, для той европейской образованности, которой она была слишком верным отражением» [6, с. 149]. В своей заметке И. Аксаков поспешил при-

вести абзац полностью, чтобы уберечь память Киреевского от возможных обвинений [11, с. 1]².

Такое цитирование с купюрами напомнило И. Аксакову все неблагоприятные, как ему казалось, поступки почвенников: покушение журнала Достоевских на традиционно славянофильскую тематику, стремление воспользоваться наработками старших славянофилов без должных ссылок на их труды. Накопившуюся в нем досаду Аксаков выплеснул на обратившегося к нему за помощью Страхова (которому, тем не менее, пытался помочь, согласившись предоставить свою газету для публикации статьи, поясняющей смысл «Рокового вопроса»³) в письме от 6 июля 1863 г.: «...Вы напрасно ссылаетесь на *направление* “Времени”. (...) Оно имело значение как хороший беллетристический журнал, более чистый и честный, чем другие, но претензии его были всем смешны. (...) Оно имело бесстыдство напечатать в программе, что первое в русской литературе провозгласило и открыло существование русской народности! Нет такого врага славянофилов, который бы не возмутился такую дерзкою ложью» [4, с. 23–24]⁴.

Основания упрекать почвенников в недостаточном уважении к славянофильству у Аксакова, бесспорно, были – взять хотя бы известные статьи Достоевского «Последние литературные явления. Газета “День”» (ноябрь 1861 г.) и «Два лагеря теоретиков...» (1862 г.), где учение славянофилов получило критическую характеристику. Да и в статье Страхова, как уже было сказано, встречалось весьма вольное обращение с идеями славянофилов. Свою мысль об интеллектуальном превосходстве поляков почвеннический автор увенчал яркой метафорой из стихотворения Хомякова «Мечта»: «Таким образом, поляки могут смотреть на себя, как на народ вполне европейский, могут причислять себя к “стране святых чудес”, к этому великому западу...» [12, с. 154]. Ранее выражением «страна святых чудес» воспользовался Достоевский, употребив его в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (Время. 1863. № 2, 3), предшествовавших «Роковому вопросу».

Переписка Аксакова и Страхова обнаружила болевые точки в отношениях двух кружков. Оказалось, что Аксаков внимательно следил за полемическими выступлениями «Времени», которые, хотя и не отвечал на них печатно⁵. В уже цитированном письме от 6-го июля И. Аксаков напоминал своему корреспонденту: ««Потом это наивное объявление, что славя-

² «Вы должны были, – писал Аксаков Страхову, – ... привести слова того же Киреевского, развенчивающего эту (польскую. – Д. К.) литературу» [4, с. 15].

³ По цензурным причинам объяснительная статья Страхова не появилась в «Дне».

⁴ При публикации этого письма в первом томе Полного собрания сочинений Достоевского Страхов вычеркнул финальное выражение «дерзкая ложь» (правка Страхова: «Нет такого врага славянофилов, который бы не возмутился этим»). См.: [14, с. 256].

⁵ В дальнейшем Аксаков будет читать «Эпоху», о чем, например, свидетельствуют его письма. «Костомарова брошюра и Эпоха у Павлова. Он доставит их вам», – писал Аксаков Погодину [1, л. 14].

¹ «Такая статья как “Роковой вопрос”, – негодовал Петерсон, – не должна была явиться без подписи имени автора. Только бандиты наносят удары с маской на лице. (...) Вся статья основана на ложных показаниях, а следовательно и выводы должны быть ложны» [10].

нофильство – момент отживший, а пути к жизни, новое слово теперь у “Времени”! Славянофилы могут все умереть до одного, но направление, данное ими, не умрет... это трактование славянофилов *свысока* во “Времени” и с презрением в первой программе “Времени”, это уронило журнал в общем мнении публики ...» [4, с. 24]. Для подтверждения своих слов Аксаков привел опубликованную во «Времени» статью «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» (1861. №9), во многом повторяющую славянофильских критиков без всякого указания на их труды.

Существенным представляется еще одно замечание Аксакова, недовольного сугубо светским направлением почвеннического журнала. «Ошибка капитальная журнала “Времени” всегда была та, что он думал ухватить субстанцию русской народности *вне* религии, *вне* Православия, толковал о почве, не разумя свойств почвы», – полагал Аксаков [4, с. 15]. В ответном письме Страхов парировал обвинение, удачно переведя разговор на деятельность самих славянофилов. «Как трудно говорить о религии, – писал Страхов, – я сошлюсь на Вас же, т. е. вообще на славянофилов. Собственно богословских статей у Вас нет. (С хомяковскими я по несчастью совершенно не знаком.) <...> Вы пишете, что я взял вопрос *внешним* образом; точно таким же *внешним* образом Вы берете религию; ее *начала* Вы излагаете, точно так же, как я решился коснуться *начал* русской народной жизни» [4, с. 20–21]. Позднее в своих воспоминаниях о Достоевском Страхов вернулся к былому спору. Сказав об отношении Аксакова к журналу «Время», Страхов заметил: «Что касается до *высших нравственных основ*, до *христианской проповеди*, то эти основы, действительно, высказывались в журнале всего менее и выражались разве только одним отрицательным способом, напр. в том, что в журнале не было ничего ни материалистического, ни антирелигиозного. Кругом царило такое ярое вольнодумство, что не одно “Время” приберегало до более удобного случая публичное выражение своих заветнейших убеждений» [14, с. 257].

Таким образом, «Время» и вообще почвенническое направление не устраивало Аксакова по многим причинам. Самое главное, что кружок Достоевских талантливо развивал славянофильские идеи, причем совершенно независимо от самих славянофилов, часто критикуя и поправляя ведущих представителей «московской партии».

Обсуждение проблемы в письмах Аксакова и Страхова устранило многие недоразумения, существовавшие в отношениях двух литературных кружков. Неслучайно опубликованная на страницах одного из сентябрьских номеров «Дня» (День. 1863. 7 сентября. №36) статья

Ю. Ф. Самарина «По поводу мнения “Русского вестника” о занятиях философию, о народных началах и об отношении их к цивилизации» уже защищала Страхова от нападок московского журнала. Самарин последовательно опровергал Каткова, напечатанного в «Русском вестнике» (1863. Май. №5) рабо-

ту «По поводу статьи “Роковой вопрос”». Туманность статьи Страхова Катков в частности объясняет тем, что ее автор исповедует «какое-то особого рода славянофильство, состоящее в искании каких-то начал народных» [5, с. 402].

Самарин не стал отграничивать опального Страхова от славянофилов, а сосредоточился на уточнении основных понятий-образов, осмеянных оппонентом. «Народные начала! Коренные основы! – восклицал Катков. – А что такое эти начала? Что такое эти основы? <...> Представляется ли вам, господа, что-нибудь совершенно ясное при этих словах?» [5, с. 404]. Катков прекрасно понимал, что, критикуя почвенников, он задевает и славянофилов, так как выражения «народные начала», «коренные основы» («корни»), «почва» входили в активный лексикон славянофильства, откуда и были заимствованы Страховым. С присущей ему логической холодностью Самарин указал, что «Русский вестник» вовсе не чужд таких «громких» слов и в предыдущих своих публикациях сам использовал подобные образы (при этом славянофильский автор процитировал соответствующее место в «Русском вестнике»). Надо заметить, что в защите «Времени» у Самарина был и свой интерес, так сказать, старые счеты, связанные еще с полемикой «Русского вестника» и «Русской беседы» о роли народности в науке. Но очевидно сближение почвенников и славянофилов, заступившихся за недавних конкурентов. Показательно, что о «Роковом вопросе» Самарин высказался вполне безобидно: «Конечно, в статье, на которую ополчился “Вестник”, действительно не было выяснено понятие цивилизации вообще, одно из самых неопределенных и сбивчивых; даже не было указано на понятия более тесные, из которых оно слагается. <...> Но дело в том, что и “Русский Вестник” этого всего не выяснил» [13, с. 267–268].

Обращает на себя внимание то, что Самарин в своей статье говорит только о Страхове, но ни словом не упоминает о Достоевском, фактическом редакторе и известном писателе. Возможно, Самарин просто не хотел напоминать цензуре о бывшем политическом ссыльном, и так уже наказанном запрещением журнала. Но зато Достоевский вполне мог оценить статью Самарина, и «есть основания считать, что полемика Самарина с Катковым пробудила интерес писателя к творчеству выдающегося славянофила» [15, с. 281–282].

Выводы.

История с запрещением «Времени», полемика по поводу «Рокового вопроса» стали переломным моментом во взаимоотношениях почвенников и славянофилов. В дальнейшем уже журнал Достоевских «Эпоха» будет поддерживать газету Аксакова, хотя до настоящего согласия было еще далеко.

Литература

1. Аксаков, И. С. Письмо М. П. Погодину (1864 г.) / И. С. Аксаков // РГБ. Ф. 231/II. – Карт. 1. – Ед. хр. 44. – Л. 14.

2. *Богданов, А. В.* Почвенничество: политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова / А. В. Богданов. – М., 2001.
3. *Долинин, А. С.* К цензурной истории первых двух журналов Достоевского / А. С. Долинин // Достоевский. Статьи и материалы. – Сб. 2. – М.; Л., 1924. – С. 288–313.
4. *И. С. Аксаков – Н. Н. Страхов.* Переписка / Slavic Research Group at the University of Ottawa, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М.; Оттава, 2007.
5. *Катков, М. Н.* По поводу статьи «Роковой вопрос» / М. Н. Катков // Русский вестник. – 1863. – Май. – №5. – С. 398–418.
6. *Киреевский, И. В.* Избранные статьи / И. В. Киреевский. – М., 1984.
7. *Нечаева, В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861–1863) / В. С. Нечаева. – М., 1972.
8. *Никитенко, А. В.* Дневник: в 3 т. / А. В. Никитенко. – «Л», 1955. – Т. 2.
9. *Ткачев, П. Н.* Больные люди / П. Н. Ткачев // Дело. – 1873. – № 3. – С. 151–179.
10. *Петерсон, К.* По поводу статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время» / К. Петерсон // Московские ведомости. – 1863. – 22 мая. – Среда. – №109. – С. 3.
11. *Ред. «Аксаков, И. С.»* Москва 1 июня // День. – 1863. – 1 июня. – № 22. – С. 1–2.
12. *Русский «Страхов, Н. Н.»* Роковой вопрос // Время. – 1863. – № 4. – Современное обозрение. – С. 152–163.
13. *Самарин, Ю. Ф.* По поводу мнения «Русского вестника» о занятиях философию, о народных началах и об отношении их к цивилизации / Ю. Ф. Самарин // Сочинения. – М., 1877. – Т. 1. – С. 266–290.
14. *Страхов, Н. Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Н. Н. Страхов // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. – Т. 1. – СПб., 1883. – С. 179–329.
15. *Туниманов, В. А.* Творчество Достоевского (1854–1862) / В. А. Туниманов. – Л., 1980.
16. *Штюрмер, Л. Л.* Записка [Василию Андреевичу Цезю] с отрицательным отзывом о статье Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» для журнала «Время» / Л. Л. Штюрмер // РНБ. – Ф. 833. – Ед. хр. 183. – Л. 1.

УДК 811. 161. 1

Н. В. Студеникина

*Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Ю. В. Николаева
Римский государственный университет «Сапленца», г. Рим, Италия*

«ПИКАП» КАК ВТОРИЧНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ

Статья посвящена неологизму последних лет – слову «пикап», являющемуся вторичным заимствованием из английского языка. В ней описывается история появления данного англицизма в русском языке и особенности его употребления в современных текстах СМИ. Приводятся данные о его представленности в лексикографических источниках и национальном корпусе русского языка. Анализируется семантика, словообразовательная активность и стилистическая принадлежность данного неологизма.

Пикап, неологизм, англицизм, словообразовательная активность, стилистическая окраска.

The article deals with the recent neologism of the Russian language, namely the word “pick-up” which is a secondary borrowing from the English language. The paper describes the history of its appearance and the peculiarities of its use in the modern mass media texts. It also gives the data regarding its representation in lexicographic sources as well as in the national corpus of the Russian language. The semantics, derivational activity and stylistic characteristics of this new anglicism are being analyzed.

Pick-up, neologism, anglicism, derivational activity, stylistic colouring.

Введение.

Одним из последних неологизмов английского происхождения в современном русском языке является слово пикап. Казалось бы, перед нами уже давно известное заимствование, обозначающее тип автомобиля, но контексты употребления данного англицизма в современных газетах и журналах отчетливо указывают на появление вторичного заимствования¹, находящегося в отношениях омонимии² с ранее ассимилированным англицизмом и представленного лишь в единичных лексикографических источниках.

¹ О примерах вторичных заимствований см. Л. П. Крысин «Лексическое заимствование и калькирование» [7].

² О разграничении омонимии и многозначности см. Д. Н. Шмелев «Современный русский язык. Лексика» [24] и Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова «Современный русский язык» [14].

Основная часть.

Слово пикап происходит от английского существительного (*a*) *pick-up*, которое, в свою очередь, является субстантивированным полисемичным английским фразовым глаголом *to pick up*, основное значение которого “поднимать” [3], [6], [9], [23]. Как уже было сказано выше, слово было изначально заимствовано русским языком в значении «небольшой грузовик на базе легковой машины», т. е. в одном из оригинальных значений английского прототипа ‘*a pick-up*’. В процессе фонетической адаптации в русском языке произошло перенесение ударения на второй слог; при этом не установлено посредство какого-либо языка, повлиявшее на смену места ударения (ср. франц. *pick-up*, заимствованное из английского с другим значением ‘адаптер, звукозаписывающее’) [8, с. 107].